

Г.Р. Консон

О ФЕНОМЕНЕ ОДЪЯВОЛЕНИЯ СТАРИКА-АНТИКВАРА В РОМАНЕ ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАКА «ШАГРЕНЕВАЯ КОЖА»

Аннотация. Предмет исследования — сущность различных образцов морали, в которой изначально заложено дьявольское лукавство, содержащееся в нравственном искушении человека, что, в свою очередь, становится основой для фантастического раздвоения реального в сознании личности, а в конечном счёте фокусирования в нем чувства катастрофизма. Первоначальным же импульсом здесь становится необычный талисман — «Шагреновая кожа», который, по своей сути, является «оберегом-наоборот». Фактически он буквально разделяет смерть человека на части, на протяжении всего произведения обостряя психологизм в образных характеристиках его главных героев.

Метод исследования основан на сочетании нескольких типов анализа — исторического, философского, психологического, литературного, а также компаративного.

Научная новизна заключается в выявлении двух типов морали, точнее, моралистики, изначально не приемлемых для человека. Один из них предназначен для одинокого учёного. Такой тип якобы обеспечивает многолетнюю жизнь индивида с переживанием безопасного для него и общества иллюзорного счастья. Другой — для прожигателя жизни, уничтожающий ценностные ориентиры в личности и превращающий её в опасный элемент общества. В заключении автор приходит к убеждению, что оба типа морали — наукообразный и сказочный — являются деформацией базовой нравственно-бытийной основы человека, идущей от дьявола искусами. А сам старик-антиквар (образ которого является в статье главным объектом исследования), исповедующий эти виды морали, оказывается своеобразным дьяволом во плоти, небрежным типом преступника, убийцей-псевдоспасителем, успевающим перед смертью своей жертвы разрушить её нравственные устои.

Ключевые слова: Оноре де Бальзак, шагреновая кожа, старик-антиквар, Рафаэль де Валантен, человек и дьявол, фантастический, талисман, образ, желания, обман и демонизм.

Возникновение философского этюда Бальзака «Шагреновая кожа» в 1831 году было закономерным феноменом, который объясняется несколькими причинами. Одна из них — объективная. После революции 1830 года многим деятелям в различных отраслях науки, литературы и искусства, в том числе и представителям из низов казалось, что наступило долгожданное, едва ли не сказочное время реализации их способностей. Показательным явился роман Стендаля «Красное и чёрное» (1830), в котором главным героем стал человек из народа, вошедший в высшее общество и порвавший со своим классом. Сам Бальзак во время работы над «Шагреновой кожей», чтобы изменить воинственную политику государства на мирную, намеревался сделаться депутатом от одного из трёх округов — Кабре, Фуже-

ра или Тура, для чего предпринимал попытки баллотироваться на выборах: «Довольно с нас великих войн, — писал он, — мне кажется, наступило время великого мира»¹.

Однако в конгломерате новых утопических идей традиционно приоритетной оставалась старая — стремление к могуществу и обогащению, которая резко обострилась во время нарождавшегося капитализма. В умах молодёжи бродили бай-

¹ Цит. по: Моруа А. Прометей, или жизнь Бальзака / Пер. с франц. Н. Немчиной и Я. Лесюка; Предис. Ф. Наркирье-ра; Ред. Е. Бабун. М., 1967. С. 194. Формированию новых концепций способствовали и идеи социалистов-утопистов Сен-Симона, Фурье, Р. Оуэна, труды которых Бальзак хорошо знал и во многом был с ними согласен (см.: Пузиков А. Рыцари истины: Портреты французских писателей. М., 1986. С. 251).

ронические настроения, которые подогревались ностальгическими воспоминаниями о победах Наполеона² и анархическим неприятием буржуазной монархии³. После ухода Наполеона с политической арены, честолюбивый и энергичный образ которого был связан с идеалом денди⁴, в умах молодых людей укрепилось ощущение утраченных иллюзий и потери стабильности⁵. Хотя источником такой утраты всегда был сам человек⁶, а во француз-

ской литературе — его пагубная страсть⁷.

Вместе с тем в результате взаимодействия противоречивых тенденций в обществе, в особенности в кругах молодёжи культивировалась идея лёгкого успеха, без труда дающего доступ к жизненным удовольствиям⁸.

Другая причина — личная, автобиографическая. Сестра Бальзака Л. Сюрвиль вспоминала, что брат как-то признался ей, что его «нередко одолевали безумные желания и соблазны, подобные тем, коими он одаривал героя “Шагреновой кожи”...»⁹.

² Известно, что сам Бальзак восхищался Наполеоном, считая, что лучшим политическим строем является его, то есть тот, «который порождает наибольшую энергию» (Моруа А. Прометей, или жизнь Бальзака / Пер. с франц. Н. Немчиной и Я. Лесюка; Предис. Ф. Наркирьера; Ред. Е. Бабун. М., 1967. С. 438). Однако такое отношение писателя к императору выражало лишь одну сторону его чувств. Р. Резник считает, что «легенда об энергии Наполеона, сметающей препятствия, не помешала писателю увидеть многое за её пределами, не упростила всю сложность исторической действительности. Побеждающая энергия — только грань образа, созданного в “Человеческой комедии”» (Резник Р. Наполеон в «Человеческой комедии» Оноре де Бальзака // Французский ежегодник 1985. М., 1987. С. 117-138. (http://vive-liberta.parod.ru/journal/nb_balzac_fe-85.pdf). [Дата обращения: 16.12.2012]).

³ Да и сам Бальзак после революции 1830 года изменил свои политические взгляды. Из либерала он превратился в легитимиста. Б. Реизов отмечает, что, «увидев меркантилизм своей эпохи, утрату других стимулов к деятельности, кроме погони за деньгами, обнаружив в этом основную тенденцию времени, которая была определена самой структурой общества, Бальзак отпрянул от результатов революции, которую когда-то готов был приветствовать» (Реизов Б. Французский роман XIX века: Учеб. пособ. для филолог. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. Изд. 2-е. М., 1977. С. 77).

⁴ А. Скуратовская пишет, что в качестве основных составляющих этого образа представлялись «честолюбие, энергия и способность преодолевать препятствия. Характерно, что одного из своих самых ранних денди, Рафаэля де Валантена, Бальзак тоже осмысляет изначально как “последнего Наполеона”. (Под таким названием Бальзак опубликовал набросок начала “Шагреновой кожи” в “Карикатуре” 16 января 1830 г.). Образ невысокого, честолюбивого, энергичного и понимающего устройство общества человека, станет для Бальзака моделью денди» (Скуратовская А. Дендизм у Бальзака: Персонажи и ситуации. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002. 234 с. (<http://www.disscat.com/content/dendizm-ubalzaaka-personazhi-i-situatsii>). [Дата обращения: 27.12.2012]).

⁵ По мнению А. Скуратовской, «мысль о том, что Реставрация отняла у молодёжи то будущее, которое обещала предыдущая наполеоновская эпоха, станет основной идеей в осмыслении Бальзаком феномена дендизма» (там же).

⁶ Как пишет Е. Варламова, «в своём “романе-драме” Бальзак выделяет главного героя, который, подобно шекспировским мономанам, обладает одной всепоглощающей страстью. Он является центром драмы, первопричиной неизбежной тра-

гедии» (Варламова Е. Преломление шекспировской традиции в творчестве Бальзака: «Отец Горио» и «Король Лир»). Дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003. 171 с. (<http://www.disscat.com/content/prelomlenie-shekspirovskoi-traditsii-v-tvorchestve-balzaka-otets-gorio-i-korol-lir>). [Дата обращения: 09.06.2013]).

⁷ По справедливому наблюдению С. Зенкина, «в литературе французского романтизма главным фактором, придававшим личности героя эстетическую значимость и интерес, была страсть — сильное чувство, стремление, одушевляющее человека и побуждающее его к преодолению препятствий, к борьбе с другими людьми, порой даже с богом или судьбой. Такая традиция сохранялась и у многих крупнейших писателей, к романтизму непосредственно не принадлежавших (Бальзак, Флобер, Гонкуры, даже Золя): именно страсть делает героя достойным объектом художественного изображения, заставляет читателя вслед за автором сопереживать ему» (Зенкин С. Теофиль Готье и «искусство для искусства» // DÉJÀ VU: Энциклопедия культур. (http://ec-dejavu.ru/a/Art_for_art.html). [Дата обращения: 10.06.2013]).

⁸ В отечественной литературе бытует небесспорная мысль, что Бальзак вскрыл одно из главных противоречий буржуазного общества — несовместимость труда и наслаждения: «Унылая “действительность нищеты” и неутолённых желаний становится уделом массы тружеников, в то время как на другом полюсе общества царит бешеная погоня за наслаждениями, разгул страстей, разрушающих человеческую личность» (Примечания // Бальзак О. Человеческая комедия: Этюды о нравах: Сцены сельской жизни // Собрание сочинений в 24-х тт. Т. 18 / Пер. Б. Грифцова. М., 1960. С. 600). Думается, что такое явление характерно не только для буржуазного общества (современное положение дел доказало это). Но, главное, далеко не всякий учёный стремится к разгульным удовольствиям. Достаточно вспомнить образ жизни Декарта или крайний случай — Диогена (ок. 404 — 323 до н. э.), который считал, что отказ от земных благ способствует необходимым для мыслителя ясности ума и уравновешенности характера.

⁹ Сюрвиль Л. Бальзак, его жизнь и произведения по его переписке // Бальзак в воспоминаниях современников / Редколл.: В. Вацуро, Н. Гей, Г. Елизаветина, С. Макашин, Д. Николаев, В. Орлов, А. Пузикив, К. Тюнькин; Сост., вступ. ст. И. Лилеевой; Комментар. и указатели И. Лилеевой и В. Мильчиной; Науч. подг. тома В. Мильчиной; Пер. С. Брахман. М., 1986. С. 61. К этому добавим мнение Н. Решетняк, что «се-

Об автопортретности Бальзака в «Шагреновой коже» писал и А. Моруа¹⁰. Однако, как заметил Ф. Мориак, «мир, поднятый Бальзаком, обрушился на него и раздавил»¹¹.

*Третья причина — любовь к фантастике, к мифу*¹², которые культивировались во француз-

рьёзное увлечение мистицизмом было семейной традицией Бальзаков» (Решетняк Н. «Мистическая книга» Бальзака: от истоков — к художественному воплощению теософских идей. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 218 с. (<http://www.disserscat.com/content/misticheskaya-kniga-balzaka-ot-istokov-k-khudozhestvennomu-voploshcheniyu-teosofskikh-idei>). [Дата обращения: 10.06.2013]).

¹⁰ По высказыванию А. Моруа, «в Рафаэле много черт самого Бальзака. Автор, как и его герой, хочет всего: славы, богатства, женщин. Он знает, что владеет талисманом, который ему принесёт всё, и что талисман — его талант; он знает также, что растрчивает свои жизненные силы и что кончится это плохо» (Моруа А. Прометей, или жизнь Бальзака / Пер. с франц. Н. Немчиной и Я. Лесюка; Предис. Ф. Наркирьера; Ред. Е. Бабун. М., 1967. С. 197). Однако тот же Моруа констатировал, что Бальзак, не умея противостоять соблазнам, пребывая в долгих воздержаниях, которые порождали стремление к излишества, «не берёт свой талисман» (там же. С. 194). Об этом же пишет, характеризуя Валантена и сам Бальзак: «Рафаэль мог всё, но не свершил ничего» (Бальзак О. Шагреновая кожа // Бальзак О. Человеческая комедия: Этюды о нравах. Сцены сельской жизни // Собрание сочинений в 24-х тт. / Пер. Б. Грифцова. М., 1960. Т. 18. С. 572). Действительно, многих героев — Рафаэля де Валантена, Люсьена де Рюампре, Луи Ламбера Бальзак наделял чертами своего характера и фактами собственной биографии: «Рисуя жизненный путь Рафаэля, бедного поэта, мечтающего создать великие творения, которые покорят Париж, Бальзак в некоторой степени обращается к воспоминаниям своей юности. Здесь нашли отражение его воспоминания о годах в мансарде на улице Ледигер, о смелых планах, неустанном труде и полугодовалом существовании» (Примечания // Бальзак О. Человеческая комедия: Этюды о нравах: Сцены сельской жизни // Собрание сочинений в 24-х тт. Т. 18 / Пер. Б. Грифцова. М., 1960. С. 600).

¹¹ Мориак Ф. Романист и его персонажи // Писатели Франции о литературе: Сб. ст. / Сост. и предис. Т. Балашовой и Ф. Наркирьера; Коммент. и краткие справки об авторах Ю. Гинзбург; Ред. Г. Великовская и Г. Насекина; Пер. М. Злобиной. М., 1978. С. 165.

¹² Е. Корнилова определяет два источника формирования мифологического сознания — сказочный и философский, в основе которого лежит «кантеанско-фихтеанское признание существования трансцендентального (в истоках неоплатоновского) мира, между которым и реальным не существует непроницаемой границы...» (Корнилова Е. Мифологическое мышление и мифопоэтика западноевропейского романтизма. Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2002. 281 с. (<http://www.disserscat.com/content/mifologicheskoe-soznanie-i-mifopoetika-zapadnoevropeiskogo-romantizma>). [Дата обращения: 28.12.2012]).

ском романтизме, и Бальзак не остался к ней равнодушен. Чрезвычайно устойчивым в ней оказался мотив «фантазмагии реального» (Б. Реизов), который проступал в преднамеренном «смешении реального и фантастического, либо в прямом отождествлении того и другого»¹³. Отнесём сюда и один из феноменов мифологической поэтики в романтическом искусстве, которому был свойствен принцип одушевления предметов¹⁴.

Кроме того, сам Бальзак был необычайно подвержен суевериям¹⁵, а его действия подобны фан-

¹³ Реизов Б. Французский роман XIX века: Учеб. пособ. для филолог. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. Изд. 2-е. М., 1977. С. 82. Б. Реизов также полагает, что Бальзак в период создания «Шагреновой кожи» «скользит на грани между фантастическим и реальным, наблюдая игру чудесного за кулисами действительности», и только после неё «он переходит на другую точку зрения, утверждаясь по эту сторону явлений. У настоящих фантастов действительность оказывается только миражом, для Бальзака фантастика — лишь слабый отблеск реальности» (там же. С. 82). С этим положением трудно согласиться, поскольку Бальзак, хотя и не принадлежал сугубо к писателям-фантастам, в таких произведениях, как «Шагреновая кожа», «Эликсир долголетия», предстаёт реалистом, в творчестве которого волшебство служит дополнительным средством для максимально достоверного отображения действительности. А. Моруа считал, что оба определения «реалист» и «фантазёр», какими снабжали Бальзака, являются ошибочными, «вернее сказать, они правильны при условии, что одно дополняется другим... Бальзак видит то, что за пределами действительности, но он видит также и действительность» (Моруа А. Прометей, или жизнь Бальзака / Пер. с франц. Н. Немчиной и Я. Лесюка; Предис. Ф. Наркирьера; Ред. Е. Бабун. М., 1967. С. 457).

¹⁴ Е. Корнилова считает, что один из постулатов мифопоэтики «был связан с приписыванием антропоморфных свойств и качеств предметам неживой природы, со всеобщей анимализацией космоса, присущей эстетике Гердера и Шеллинга. Это «одушевление» в романтической поэтике производится на самых различных уровнях сказки, притчи, философской повести и касается ряда самых непригодных для этого на первый взгляд персонажей» (Корнилова Е. Мифологическое мышление и мифопоэтика западноевропейского романтизма. Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2002. 281 с. (<http://www.disserscat.com/content/mifologicheskoe-soznanie-i-mifopoetika-zapadnoevropeiskogo-romantizma>). [Дата обращения: 28.12.2012]).

¹⁵ С. Цвейг пишет, что «Бальзак на протяжении всей своей жизни был слишком народ, слишком крестьянский внук, чтобы не быть суеверным самым примитивным образом. Он верит в амулеты, носит, не снимая, счастливый перстень с таинственными восточными письменами, и чуть ли не перед каждым важным своим решением великий и прославленный писатель, словно парижская швейка, взбирается по винтовой лестнице на пятый этаж к гадалке или ясновидящей.

тастическим¹⁶.

*Четвёртая причина — большой интерес Бальзака к науке*¹⁷. В романе «Шагреновая кожа» автор необычайно точно описывает роковое развитие туберкулёза у Рафаэля, объясняя с научной точки зрения сущность фантастического вещества, подчиняющего себе героя и составляющего с ним бинарный архетип человека-дьявола¹⁸.

Он верит в телепатию, в таинственные вести и в предостерегающую силу инстинкта» (Цвейг С. Бальзак / Пер. с нем. А. Голембы; Предисл. и коммент. Н. Муравьёвой; Под ред. Е. Закс. Вып. 6. М., 1961. С. 214. [Серия «Жизнь замечательных людей»]).

¹⁶ С. Цвейг такое явление у Бальзака объяснял его чудовищным перенапряжением, после которого «было бы естественным, если бы этот духовидец вёл себя как обычный человек, если бы он, например, аккуратненько вёл конторскую книгу, записывал в неё каждый франк и, как лавочник, помещал свои сбережения в четырёхпроцентную ренту! Если бы он, который только что был властелином, магом и обитателем царства снов, стал вести себя в реальном мире согласно правилам светских салонов. Если бы он, чей гений так склонен к творческим преувеличениям, был столь же пронырлив, столь же дипломатичен и столь же холодно расчётлив, как они [недоброжелатели. — Г.К.] сами» (там же. С. 191–192).

¹⁷ Н. Решетняк пишет, что «Бальзак восхищался учёными-естествоиспытателями, выдвинувшими смелые теории единства организмов, — Кювье, Жоффруа Сент-Илером, а также учёным и теософом Сведенборгом, который предложил свою систему единства всего сущего, выводя её далеко за пределы земного бытия. Другой мистик, Сен-Мартен, создававший теорию связей или соответствий, также привлекал Бальзака своими теософскими идеями, однако он отвергал науку, что в глазах автора “Человеческой комедии” являлось серьёзным недостатком» (Решетняк Н. «Мистическая книга» Бальзака: от истоков — к художественному воплощению теософских идей. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 218 с. (<http://www.dissercat.com/content/misticheskaya-kniga-balzaka-ot-istokov-k-khudozhestvennomu-voploshcheniyu-teosofskikh-idei>). [Дата обращения: 10.06.2013]).

¹⁸ Н. Спиридонова пишет, что Бальзак «постоянно апеллирует к науке, в ней он видит подтверждение своих идей, он использует “научный метод”, сочетающий элементы разных наук и их методы в применении к литературному тексту. В такой “научности” нашли отражение тенденции общества к абсолютизации знания и та важная роль, которая отводилась учёным Франции. Эта позиция воплотилась в учение К.А. де Сен-Симона о трёх основных деятелях общества — поэте, промышленнике и учёном, воспринятое романтиками» (Спиридонова Н. Научные знания в контексте литературного творчества: Ш. Нодье и Оноре де Бальзак. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 253 с. (<http://www.dissercat.com/content/nauchnyeznaniya-v-kontekste-literaturnogo-tvorchestva-sh-node-i-onore-de-balzaka>). [Дата обращения: 28.12.2012]).

Исходя из отмеченных обстоятельств, нам представляется, что Бальзак, создавая философский этюд «Шагреновая кожа», проявился как:

- историк, который передал новейшие веяния эпохи;
- художник-фантаст, выразивший свою идею в мифе;
- учёный-фантаст, предвосхитивший некоторые открытия в науке¹⁹;
- неистовый романтик, исходивший из своих собственных автобиографических сведений;
- философ, который стремился разгадать тайны мироздания²⁰, искавший научные ответы на необъяснимые явления, где центральное место отводил проблеме личности²¹.

Из этой триады исследователь выделяет особую значимость для Бальзака роли поэта и учёного, поскольку писатель считал, что без их интеллектуального вклада в духовную жизнь общества подлинный прогресс невозможен (см.: там же).

¹⁹ По наблюдению Н. Решетняк, «Бальзак впервые заговорил в художественной литературе о химии, об электричестве, он, возможно, предчувствовал, какое место оно займет в позднейшем представлении о материи. В то же время исключительное значение писатель придавал воздействию эмоций на жизненные силы человека: страсть, воля, душевные силы истощают плоть. Бальзак верил в существование психической энергии, родственной электричеству. В наше время телепатия изучается научно, Месмер оценен по-новому, обнаружены биотоки мозга — открытие, предсказанное Бальзаком в «Предисловии к “Человеческой комедии”» (Решетняк Н. «Мистическая книга» Бальзака: от истоков — к художественному воплощению теософских идей. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 218 с. (<http://www.dissercat.com/content/misticheskaya-kniga-balzaka-ot-istokov-k-khudozhestvennomu-voploshcheniyu-teosofskikh-idei>). [Дата обращения: 10.06.2013]).

²⁰ Согласно А. Моруа, Бальзак знал, что «в основе жизни лежит нечто более могущественное, чем сама жизнь. Эту загадку мироздания, эту основу жизни он согласен именовать богом. Человек хотел бы их постигнуть. Но они постижимы для нас лишь через аллегории, символы, знамения. Бог безмолвствует, но на живые существа и неодушевлённые предметы возложена передача таинственных вестей. Между материей и человеком есть сокровенная связь. То, что действительно важно во Вселенной, обнаруживается в бесконечно малом» (Моруа А. Прометей, или жизнь Бальзака / Пер. с франц. Н. Немчиной и Я. Лесюка; Предис. Ф. Наркьерра; Ред. Е. Бабун. М., 1967. С. 442).

²¹ Согласно мнению А. Скуратовской, для Бальзака «тема судьбы и места художника в обществе оставалась основной, в своих публицистических выступлениях он впервые создал нечто в роде “оппозиции людей искусства”. Писатель желал, чтобы правительство признавало интеллектуальную собственность, которой пренебрегала Реставрация, и прилично оплачивало этот труд, не только деньгами, но и поло-

Все эти новшества дали возможность Бальзаку создать принципиально оригинальную концепцию фантастического раздвоения реального, а в конечном счёте — катастрофизма в сознании личности²².

Попытаемся рассмотреть её в настоящей статье.

а) Дьяволическая сущность старика

Первое появление хозяина антикварной лавки старика-миллионера описано как таинственное событие, которое заставляет Рафаэля засомневаться в тезисе Декарта²³. Сначала во мраке загорается красноватый круг, а в нём уже возникает какой-то старичок. И только после этого фантастического видения даётся пояснение, что старичок держал в руке лампу, направлявшую свет на вошедшего молодого учёного, маркиза Рафаэля де Валантена²⁴. При этом Бальзак за старцем всё равно сохраняет мистериозную характеристику: «В его появлении было что-то магическое. Даже самый бесстрашный человек, и тот, наверное, вздрогнул бы со сна при виде этого старичка, вышедшего, казалось, из соседнего саркофага» (с. 358).

Характеристика эта постоянно балансирует между описанием живого и мёртвого обра-

жением в обществе» (Скуратовская А. Дендизм у Бальзака: Персонажи и ситуации. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002. 234 с. (<http://www.dissercat.com/content/dendizm-u-balzaka-personazhi-i-situatsii>). [Дата обращения: 27.12.2012]).

²² Такая концепция находилась в русле современных писателю эстетических направлений. По словам Н. Спиридоновой, «на примере произведений Нодье и Бальзака, отразивших тенденции литературы Франции первой трети XIX в., можно проследить, что контакты и взаимодействия литературы с наукой становятся всё более явными, что создаёт почву для возникновения новых методов художественного отражения мира и формирования новых образных систем» (Спиридонова Н. Научные знания в контексте литературного творчества: Ш. Нодье и Оноре де Бальзак. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 253 с. (<http://www.dissercat.com/content/nauchnye-znaniya-v-kontekste-literaturnogo-tvorchestva-sh-node-i-o-de-balzak>). [Дата обращения: 28.12.2012]).

²³ По всей видимости, здесь имеется в виду известное изречение Р. Декарта «Cogito ergo sum» («Я мыслю, следовательно, я существую»).

²⁴ Объяснение выбору имени гениального художника находим у Бальзака, который считал, что Рафаэля из Урбино погубили излишества в любви (см.: Бальзак О. Шагреневая кожа // О. Бальзак. Человеческая комедия: Этюды о нравах / Пер. Б. Грифцова // Собрание сочинений в 24-х тт. Т. 18. Сцены сельской жизни. М., 1960. С. 489). Далее ссылки даются в тексте по приведённому изданию.

зов, создавая эффект «мортификации» (термин П.С. Гуревича)²⁵: чёрная бархатная ермолка облегает череп (а не голову), халат окутывает старика (которому, как выясняется позже, 102 года), подобно савану, костлявая рука, похожая на палку, обёрнута в матерью. Лицо словно повисло в воздухе, существо странное. Его головой, по выражению Бальзака, могли бы как натурой пользоваться художники для изображения Моисея. Глаза лишены бровей и ресниц, щёки поблекли и стали впалыми, губы настолько бесцветны, что их едва можно различить на белом лице. А в целом — нечто бесстрастное: по определению Бальзака, «взвешиватель золота», созданный Герардом Доу.

Первое впечатление от внешности старика подкрепляется более глубоким. Оказывается, в лице торговца древностями проглядывает изобличаемое морщинами коварство инквизитора, говорившее о глубоком знании жизни. Антиквар обладает даром чтения мыслей самых скрытных людей, знает нравы всех народов земного шара. У него холодная душа, и его нельзя обмануть. Он обладает огромной властью (даже в голосе его ощущалось нечто металлическое), при помощи которой он подавил в себе всевозможные страдания, но заодно и убил земные радости. Наконец, двойственность во внешности проступает весьма определённо — в нём запечатлены и божественные, и дьявольские черты²⁶. По описанию Бальзака, живописец «мог

²⁵ Mortificatio — «процесс созидания смерти, уходящий от любых внешних проявлений в глубину, в мир “теней”, в мир психической сущности» (Гуревич П.С. Психология чрезвычайных ситуаций: учеб. пособие для студентов вузов. М., 2007. С. 341. [Серия «Актуальная психология»]).

²⁶ А. Пузиков определяет старика-антиквара как «Мефистофеля в современном обществе» и сравнивает его с аналогичным Мефисто в лице каторжника Вотрена, искушающего Растинька идеей быстрого обогащения в рассказе Бальзака «Отец Горио» (Пузиков А. Рыцари истины: Портреты французских писателей. М., 1986. С. 261–262). С Мефистофелем сравнивает старика и Г. Ионкис. Она пишет, что старый Гёте, читая «Шагреневую кожу», «лучше других постиг замысел Бальзака, возможно, потому, что разглядел в нём нечто родственное своему “Фаусту”. Перевод первой части “Фауста” вышел в Париже в 1829 году, и Бальзак широко и открыто использует в романе реминисценции из трагедии. Старик-антиквар, предложивший Рафаэлю волшебную кожу, внешне напоминает Мефистофеля. Видения, которые обступают юношу в лавке антиквара, ассоциируются с картинами шабаша, на котором побывал Фауст. Наконец, Бальзак прямо говорит о том, что его герой в ужасе отвергает путь Фауста» (Ионкис Г. In memoriam, или Встречи с Бальзаком [«Слово\Word» 2009. № 63] // Журнальный зал: Русский толстый

бы обратить это лицо в прекрасный образ предвечного отца или же в глумливую маску Мефистофеля, ибо на его лбу запечатлелась возвышенная мощь, а на устах — зловещая насмешка» (с. 359).

Мефистость старика подтверждается и косвенной характеристикой, данной ему главным героем романа — Рафаэлем, который подпадает «под власть неизъяснимых галлюцинаций» (с. 358). Он чувствует, что этот старик — некий гений, который живёт в каких-то чуждых этому миру сферах, не ведая скорби и наслаждений, не веря в иллюзии. Но ключевым словом к нему является то, которое *соответствует сущности дьявола* — *лукавство*. Оно вновь оказывается противовесом возвышенному описанию антиквара: «Старик стоял неподвижный, непоколебимый, как звезда, окружённая светлою мглой». Но: «его зелёные глаза, исполненные какого-то спокойно лукавства, казалось, освещали мир душевный, так же как его лампа светила в этом таинственном кабинете» (с. 360).

К понятию лукавства, связанному с образом дьявола, отнесём и близкие ему выражения — «хитро улыбнулся», «улыбка превосходства», «смех старика, полный ехидного издевательства», позже — «взгляд, полный холодной иронии», смех старика уподобляется адскому грохоту, последняя его насмешка — глумление над молодым человеком. Все они, как метка дьявола, вкраплённые в текст диалога де Валантена с антикваром, вызывают у маркиза мысль, что он стал жертвой шарлатана.

Подтверждением дьяволизма старика оказывается и появление изображения Иисуса Христа кисти Рафаэля, после чего демонизм антиквара как бы нейтрализуется, и он в глазах молодого человека вновь становится человеком. Валантен признаёт в нём «земное существо, вполне живое, несколько не фантастическое», вновь живущее в реальном мире.

Однако вполне живое существо предлагает герою-самоубийце дьявольскую сделку — без труда стать богатым, могущественным и влиятельным в обмен на продажу своей жизни. Талисманом, сулящим будущие блага героя, является шагреновая кожа, которая, подстать старику, имеет необычный, чуть ли не волшебный вид: «кожа эта среди глубокого мрака, царившего в лавке, испускала

лучи, столь блестящие, что можно было принять её за маленькую комету» (с. 363)²⁷.

Предложенный талисман по своему фантастическому облику и невероятным «сказочным» качествам является своеобразным продолжением образа антиквара, передатчиком его замысла, производящим на маркиза мортификационное воздействие. В результате отношения Рафаэля, старика и шагреновой кожи складываются в *тернарный архетип человека-дьявола*, причём самым действенным из трёх участников сделки оказывается якобы неодушевлённая шагреновая кожа, за которой стоит дьявол и старик-антиквар, тоже выполняющий функцию дьявола.

Такая активность талисмана проявляется потому, что он обычно дарует человеку определённые привилегии, но здесь оберег, подобно каким-то неведомым адским силам, карателю, палачу, отнимает у Рафаэля жизнь. Не зря под свои обещания старик в качестве гаранта этой ирреальной энтелихи сначала привлекает имя Бога, а потом вскоре подменяет понятием неведомой власти. Также не зря молодому человеку впоследствии кажется, что в шагреновой коже «сидит чёрт» (с. 543) и что «в ней есть что-то дьявольское» (с. 544). И, наконец, не случайно маркиз сравнивает этот талисман с карающей рукой, привидевшейся Валтасару перед смертью и пишущей в воздухе убийственные слова: «Манэ-Текел-Фарес» (с. 530)²⁸, а затем и сам понимает, что уменьшение шагреновой кожи — это естественное для него наказание за пользование незаслуженными благами жизни.

Таким образом, *в стариковом даре «оберега-наоборот», фактически разделяющего смерть человека на части, изначально заложен обман. Коварство заключается в том, что сам старик от искуса талисмана отказывается, но у другого он сознательно вызывает жгучий интерес, захлопывая его в ловушку дьявола.*

²⁷ Вскоре эта волшебность вполне реально объясняется — шкурка была настолько хорошо отполирована, а прожилки так чисты, что «каждая выпуклость этой восточной кожи бросала пучок ярких отражённых лучей» (Бальзак О. Шагреновая кожа // О. Бальзак. Человеческая комедия: Этюды о нравах / Пер. Б. Грифцова // Собрание сочинений в 24-х тт. Т. 18. Сцены сельской жизни. М., 1960. С. 363).

²⁸ В Библии «МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН». В пер. «МЕНЕ — исчислил Бог царство твое и положил конец ему; ТЕКЕЛ — ты взвешен на весах и найден очень лёгким; ПЕРЕС — разделено царство твое и дано Мидянам и Персам» (Книга пророка Даниила // Библия. М., 1985. Гл. 5: 26–28).

журнал как эстетический феномен. (<http://magazines.russ.ru/slovo/2009/63/ю3.html>). [Дата обращения: 10.06.2013]].

б) Моральная основа философских взглядов старика-антиквара

От искушений талисмана сам антиквар, как ни парадоксально, отказывается в силу своих этико-философских убеждений. Он уверен, что человек истощает себя безотчётными действиями, от которых иссякают источники его бытия, определяемые понятиями «желать» и «мочь». Старик же в противовес этим пределам человеческой деятельности предлагает свой выбор — понятие «знать», которое даёт ему спокойствие, долголетие и даже счастье²⁹. Все эти приобретения стали для него возможными благодаря волевому отказу от излишеств души и тела. По словам антиквара, его «единственным честолюбием было — видеть. Видеть — не значит ли это знать?.. А знать... не значит ли это наслаждаться интуитивно? Не значит ли это открывать самую сущность жизни и глубоко проникать в неё?» (с. 367)³⁰.

В этом достойном уважения размышлении есть существенный изъян — знание ради знаний, без извлечения из них этического корня, который бы улучшал сущность человека. Ведь если сам старик, как бы и изменился в лучшую сторону, правда, предав забвению основополагающие человеческие ценности (любовь, радость, скорбь, страдание, совесть, мораль), то почему он искушает молодого человека с неустойчивой психикой, готового в сию минуту предпочесть им одно лишь богатство и положение в обществе? Ведь сам-то он впоследствии осознаёт, что смысл жизни в любви: «Ах, теперь я счастлив, как юноша, — надтреснутым голосом проговорил старик. — Я неверно понимал бытие. Вся жизнь — в едином часе любви» (с. 516).

Не случайно и в его морали раскрывается *двойственное отношение к жизни*, обозначенное двой-

ными стандартами. *Первый* предназначен для себя, в котором моралистика антиквара, изолированная от понимания человеческой сущности, *представляется длительным осознанным завоеванием*, возведённым в доктринально-схоластическую систему. Все содержащиеся в ней познавательные источники счастья становятся не чем иным, как освобождённой от ответственности виртуальной, существующей вне времени и пространства потребительской продукцией, в чём проявляется *индикатор проблемности эгоистической личности*. Сам же пользователь такой морали, по выражению Бальзака, оказывается «странным стариком с полуфилантропическими намерениями» (с. 370), то есть правдоподобными, на что обычно опирается в своей моралистике дьявол. *Такое понимание морали является деформацией чрезвычайно значимой для человека нравственно-бытийной его основы, но зато гарантирует старику обеспеченную многолетнюю жизнь с переживанием безопасного для него и для общества иллюзорного счастья*.

Второй стандарт — для других, нетерпеливых, неискушённых в жизни. Он заключён в талисмানে — своеобразной машине желаний, *средоточии идеи лёгкого успеха*³¹, в котором соединены все возможности, чтобы желать и мочь, поскольку в предложенном обереге имеется магия немедленного исполнения всех надежд — осуществление социально-статусных идей, карьерных устремлений, невоздержанности, радости, предельного наслаждения, в чём также *проступает индикатор проблемности эгоистичной аморальной личности*. Исходя из такой возможности воплощать желания, талисман представляется как дьявольское существо, продолжающее образ старика-антиквара, и вместе с тем как неперсонифицированный двойник Валантена, а сам маркиз — прямой преемник и поклонник дьявола³². Но, главное заключается в незаконном уравнивании нерядоположных понятий — сладострастия и боли, ласки и нанесения раны, знания, мудрости и безумия безмерных желаний или могущества.

²⁹ Рассуждения вполне в духе Сократа. А. Гусейнов пишет, что «все практические и интеллектуальные усилия Сократа были посвящены поиску ответа на вопрос, какие убеждения являются наилучшими, какая жизнь — самой достойной» (История этических учений / Под общ. ред. А. Гусейнова. М., 2003. С. 351).

³⁰ На наш взгляд, антиквар здесь делает рядоположными понятия знания и отказа от излишеств, то есть добродетели умеренности. По логике Сократа, пишет А. Гусейнов, знание и добродетель — это две разные вещи, потому что само знание является действительным лишь в тех случаях, «когда оно нравственно преобразует индивида, возвышает его бытийный статус — меняет не что-то в нём, а его самого» (там же. С. 356).

³¹ Такая идея не может осуществиться без последствий. Почти реализованная в судьбе другого бальзаковского героя — Люсьена де Рюампре в романе «Блеск и нищета куртизанок», она возмутила всё парижское общество, которое в конечном счёте довело молодого человека до самоубийства.

³² Как говорит А. Кураев, «поклонение дьяволу — это уже прямая сатанизм» (Кураев А. Сатанизм для интеллигенции. О Рерихах и православии. (http://azbyka.ru/religii/okkultizm/kuraev_satанизм_dlya_intelligentsii_15-all.shtml#part_1401). [Дата обращения: 24.12.2013]).

Такая моралистика тоже является деформацией базовой нравственно-бытийной основы человека, но она, к тому же, не гарантирует обеспеченную многолетнюю жизнь, а сжигает её в короткий срок, уничтожая ценностные ориентиры личности и превращая его в опасный элемент общества.

Таким образом, *оба типа морали — наукообразный и своего рода сказочный — являются враждебными человеку, идущими от дьявола искусами. А сам старик-антиквар оказывается своеобразным дьяволом во плоти, небрежным типом преступника, убийцей-псевдоспасителем, успевающим перед смертью своей жертвы разрушить её нравственные устои*³³.

Список литературы:

1. Бальзак О. Шагреневая кожа // О. Бальзак. Человеческая комедия: Этюды о нравах. Сцены сельской жизни // Собрание сочинений в 24-х тт. / Пер. Б. Грифцова. М.: Правда, 1960. Т. 18. С. 337–591.
2. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения / Подг. текста и коммент. В.В. Сапова; Послесловие К.М. Долгова. М.: Республика, 1994. 415 с. [Серия «Мыслители XX века»].
3. Варламова Е.А. Преломление шекспировской традиции в творчестве Бальзака: «Отец Горио» и «Король Лир». Дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003. 171 с. (<http://www.dissercat.com/content/prelomlenie-shekspirovskoi-traditsii-v-tvorchestve-balzaka-otets-gorio-i-korol-lir>).
4. Гуревич П.С. Психология чрезвычайных ситуаций: учеб. пособие для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 495 с. [Серия «Актуальная психология»].
5. Зенкин С.Н. Теофиль Готье и «искусство для искусства» // DÉJÀ VU: Энциклопедия культур. (http://es-dejavu.ru/a/Art_for_art.html).
6. Ионкис Г. In memoriam, или Встречи с Бальзаком [«СловоWord» 2009. № 63] // Журнальный зал: Русский толстый журнал как эстетический феномен. (<http://magazines.russ.ru/slovo/2009/63/io3.html>).
7. История этических учений / Под общ. ред. А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2003. 912 с.
8. Книга пророка Даниила // Библия. М.: Репринтное воспроизведение издания 1985 г., 1991. Гл. 1–12. С. 861–878.
9. Корнилова Е.Н. Мифологическое мышление и мифопоэтика западноевропейского романтизма. Дисс. ... д-ра филол. наук. М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2002. 281 с. (<http://www.dissercat.com/content/mifologicheskoe-soznanie-i-mifopoetika-zapadnoevropeiskogo-romantizma>).
10. Кураев А. Сатанизм для интеллигенции. О Рерихах и православии. (http://azbyka.ru/religii/okkultizm/kuraev_satanizm_dlya_intelligentsii_15-all.shtml#part_1401). [Дата обращения: 24.12.2013].
11. Мориак Ф. Романист и его персонажи // Писатели Франции о литературе: Сб. ст. / Сост. и предисл. Т. Балашовой и Ф. Наркирьера; Коммент. и краткие справки об авторах Ю. Гинзбург; Ред. Г.Э. Великовская и Г.И. Насекина; Пер. М. Злобиной. М.: Прогресс, 1978. С. 151–169.
12. Моруа А. Прометей, или жизнь Бальзака / Пер. с франц. Н. Немчиной и Я. Лесюка; Предисл. Ф. Наркирьера; Ред. Е. Бабун. М.: Прогресс, 1967. 639 с.

³³ Такого рода разрушение выражается в потере совестных чувств, благодаря которым в человеке выражается присутствие Божественного. По суждению С. Булгакова, «падший человек сохранил в себе образ Божий, как основу своего существа, и присущую ему софийность, делающую его центром мироздания, но утратил способность найти свою интеллектуальную форму, осуществить в себе подобие Божие. В нём было бесповоротно нарушено равновесие именно в области богоуподобления, а поэтому и самая одарённость его становилась для него роковой и опасной (ведь и для сатаны объективное условие его падения, соблазна собственной силой заключалось в его исключительной одарённости)» (Булгаков С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения / Подг. текста и коммент. В. Сапова; Послесловие К. Долгова. М., 1994. С. 294. [Серия «Мыслители XX века»]).

13. Примечания // Бальзак О. Человеческая комедия: Этюды о нравах. Сцены сельской жизни // Собрание сочинений в 24-х тт. / Пер. Б. Грифцова. М.: Библиотека «Огонёк», изд-во «Правда», 1960. Т. 18. С. 592–606.
14. Пузиков А.И. Рыцари истины: Портреты французских писателей. М.: Книга, 1986. 448 с.
15. Резник Р. Наполеон в «Человеческой комедии» Оноре де Бальзака // Французский ежегодник 1985. М., 1987. С. 117–138. (http://vive-liberta.narod.ru/journal/nb_balzac_fe-85.pdf).
16. Реизов Б.Г. Французский роман XIX века: Учеб. пособие для филолог. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. Изд. 2-е. М.: Высшая школа, 1977. 304 с.
17. Решетняк Н.В. «Мистическая книга» Бальзака: от истоков — к художественному воплощению теософских идей. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2007. 218 с. (<http://www.dissercat.com/content/misticheskaya-kniga-balzaka-ot-istokov-k-khudozhestvennomu-voploshcheniyu-teosofskikh-idei>).
18. Скуратовская А.П. Дендизм у Бальзака: Персонажи и ситуации. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002. 234 с. (<http://www.dissercat.com/content/dendizm-u-balzaka-personazhi-i-situatsii>).
19. Спиридонова Н.С. Научные знания в контексте литературного творчества (Ш. Нодье и О. де Бальзак). Дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2008. 253 с. (<http://www.dissercat.com/content/nauchnye-znaniya-v-kontekste-literaturnogo-tvorchestva-sh-node-i-o-de-balzak>).
20. Сюрвиль Л. Бальзак, его жизнь и произведения по его переписке // Бальзак в воспоминаниях современников / Редколл.: В.Э. Вацуро, Н.Я. Гей, Г.Г. Елизаветина, С.А. Макашин, Д.П. Николаев, В.Н. Орлов, А.И. Пузиков, К.И. Тюнькин; Сост., вступ. ст. И. Лилеевой; Коммент. и указатели И. Лилеевой и В. Мильчиной; Науч. подг. тома В. Мильчиной; Пер. С. Брахман. М.: Художественная литература, 1986. С. 22–101. [Серия литературных мемуаров].
21. Цвейг С. Бальзак / Пер. с нем. А. Голембы; Предисл. и коммент. Н. Муравьевой; Под ред. Е. Закс. Вып. 6. М.: Молодая гвардия, 1961. 496 с. [Серия «Жизнь замечательных людей»].

References (transliteration):

1. Bal'zak O. Shagrenevaya kozha // O. Bal'zak. Chelovecheskaya komediya: Etyudy o nraakh. Stseny sel'skoi zhizni // Sbranie sochinenii v 24-kh tt. / Per. B. Grifsova. M.: Pravda, 1960. T. 18. S. 337–591.
2. Bulgakov S.N. Svet nevechernii: Sozertsaniya i umozreniya / Podg. teksta i komment. V.V. Sapova; Posleslovie K.M. Dolgova. M.: Respublika, 1994. 415 s. [Seriya «Mysliteli XX veka»].
3. Varlamova E.A. Prelomlenie shekspirovskoi traditsii v tvorchestve Bal'zaka: «Otets Gorio» i «Korol' Lir». Diss. ... kand. filol. nauk. Saratov, 2003. 171 s. (<http://www.dissercat.com/content/prelomlenie-shekspirovskoi-traditsii-v-tvorchestve-balzaka-otets-gorio-i-korol-lir>).
4. Gurevich P.S. Psikhologiya chrezvychainykh situatsii: ucheb. posobie dlya studentov vuzov. M.: YuNITI-DANA, 2007. 495 s. [Seriya «Aktual'naya psikhologiya»].
5. Zenkin S.N. Teofil' Got'e i «iskusstvo dlya iskusstva» // DÉJÀ VU: Entsiklopediya kul'tur. (http://ec-dejavu.ru/a/Art_for_art.html).
6. Ionkis G. In memoriam, ili Vstrechi s Bal'zakom [«SlovoWord» 2009. № 63] // Zhurnal'nyi zal: Russkii tolsty zhurnal kak esteticheskii fenomen. (<http://magazines.russ.ru/slovo/2009/63/io3.html>).
7. Istorija eticheskikh uchenii / Pod obshch. red. A.A. Guseinova. M.: Gardariki, 2003. 912 s.
8. Kniga proroka Daniila // Bibliya. M.: Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1985 g., 1991. Gl. 1–12. S. 861–878.
9. Kornilova E.N. Mifologicheskoe myshlenie i mifopoetika zapadnoevropeiskogo romantizma. Diss. ... d-ra filol. nauk. M.: Moskovskii gosudarstvennyi universitet imeni M.V. Lomonosova, 2002. 281 s. (<http://www.dissercat.com/content/mifologicheskoe-soznanie-i-mifopoetika-zapadnoevropeiskogo-romantizma>).
10. Kuraev A. Satanizm dlya intelligentsii. O Rerikhakh i pravoslavii. (http://azbyka.ru/religii/okkultizm/kuraev_satanizm_dlya_intelligentsii_15-all.shtml#part_1401). [Data obrashcheniya: 24.12.2013].
11. Moriak F. Romanist i ego personazhi // Pisateli Frantsii o li-terature: Sb. st. / Sost. i predisl. T. Balashovoi i F. Narkir'era; Komment. i kratkie spravki ob avtorakh Yu. Ginzburg; Red. G.E. Velikovskaya i G.I. Nasekina; Per. M. Zlobinoi. M.: Progress, 1978. S. 151–169.

12. Morua A. Prometei, ili zhizn' Bal'zaka / Per. s frants. N. Nemchi-noi i Ya. Lesyuka; Predisl. F. Narkir'era; Red. E. Babun. M.: Progress, 1967. 639 s.
13. Primechaniya // Bal'zak O. Chelovecheskaya komediya: Etyudy o nrvakh. Stseny sel'skoi zhizni // Sobranie sochinenii v 24-kh tt. / Per. B. Griftsova. M.: Biblioteka «Ogonek», izd-vo «Pravda», 1960. T. 18. S. 592–606.
14. Puzikov A.I. Rytsari istiny: Portrety frantsuzskikh pisatelei. M.: Kniga, 1986. 448 s.
15. Reznik R. Napoleon v «Che-lovecheskoi komedii» Onore de Bal'zaka // Frantsuzskii ezhegodnik 1985. M., 1987. S. 117–138. (http://vive-liberta.narod.ru/journal/nb_balzac_fe-85.pdf).
16. Reizov B.G. Frantsuzskii roman XIX veka: Ucheb. posobie dlya filolog. spetsial'nostei un-tov i ped. in-tov. Izd. 2-e. M.: Vysshaya shkola, 1977. 304 s.
17. Reshetnyak N.V. «Misticheskaya kniga» Bal'zaka: ot istokov — k khudozhestvennomu voploshcheniyu teosofskikh idei. Diss. ... kand. filol. nauk. SPb.: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, 2007. 218 s. (<http://www.dissercat.com/content/misticheskaya-kniga-balzaka-ot-istokov-k-khudozhestvennomu-voploshcheniyu-teosofskikh-idei>).
18. Skuratovskaya A.P. Dendizm u Bal'zaka: Personazhi i situatsii. Diss. ... kand. filol. nauk. M., 2002. 234 s. (<http://www.dissercat.com/content/dendizm-u-balzaka-personazhi-i-situatsii>).
19. Spiridonova N.S. Nauchnye znaniya v kontekste literaturnogo tvorchestva (Sh. Nod'e i O. de Bal'zak). Diss. ... kand. filol. nauk. SPb.: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, 2008. 253 s. (<http://www.dissercat.com/content/nauchnye-znaniya-v-kontekste-literaturnogo-tvorchestva-sh-node-i-o-de-balzak>).
20. Syurvil' L. Bal'zak, ego zhizn' i proizvedeniya po ego perepiske // Bal'zak v vospominaniyakh sovremennikov / Redkoll.: V.E. Vatsuro, N.Ya. Gei, G.G. Elizavetina, S.A. Makashin, D.P. Nikolaev, V.N. Orlov, A.I. Puzikov, K.I. Tyun'kin; Sost., vstup. st. I. Lileevoi; Komment. i ukaza-teli I. Lileevoi i V. Mil'chinoi; Nauch. podg. toma V. Mil'chinoi; Per. S. Brakhman. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1986. S. 22–101. [Seriya literaturnykh memuarov].
21. Tsveig S. Bal'zak / Per. s nem. A. Golemby; Predisl. i komment. N. Murav'evoi; Pod red. E. Zaks. Vyp. 6. M.: Molodaya gvardiya, 1961. 496 s. [Seriya «Zhizn' zamechatel'nykh lyudei»].